
Три летних месяца.
Из сада лестница —
окно открыто, заходи без стука.
А в глубине пиликает смычок,
напоминая об отъезде друга.

О, астма музыки! Твой смех наперечёт —
сквозь слёзы радуги. Полжизни утечёт,
но мы расстанемся, мы распадёмся на две
несовпадающие больше никогда
истории о верности и клятве,
о зеркале смущенья и стыда.

Пока же поднимают, задыхаясь,
возлюбленных на гору муравьи,

и персы объясняют мне стихами,
как горько пахнут волосы твои.

Август опять оборвётся внезапно.
Листья и травы — соломенный запах.
Воздух прозрачен, север любим.
Стелется дым.

...нет, никогда, никакими стихами
не рассказать мне, как сердце поёт,
если плывёт в темноте, затихая,
голос знакомый, если плывёт.

Вытащишь старую лампу в беседку,
стульями скрипнешь и слушаешь:
там птица вспорхнула и дрогнула ветка,
ветер прошёлся рукой по кустам.

Дом обитаемый канет во мраке,
выступят тени — длинны рукава —
сокол в жабо и собака во фраке.
Ляжет трава.

Как объясняться в любви незнакомым?
Рожицы корчить? Стыдливо кивать?..
Выйти из дома, выйти из дома —
ветер и листья легко целовать.

Открой чуть-чуть окно. Так холодно снаружи.
Так благозвучен мир. Лишь ветер и вода.
Стоишь лицом к дождю, и чист, и безоружен.
Я спрашиваю:
— Льёт?..
Ты отвечаешь:
— Да.

Который день, второй?.. За шум благодарю я,
ложусь в свою постель, как в белую листву,
голубку сна легко и бережно целую
и по реке времён в забвение плыву.

Бегут по желобку разлука и утрата,
дрожит намокший лист, в зарытых сундуках
то золото, то прах неведомого брата
с колчаном стрел в руках.

Красавица венки когда-то заплетала,
и он теперь на дне, где мертвенных сестёр
вода в себе несёт, вода собой питает
и пожирает их, как голубой костёр.

Что видим мы во сне? Кто за руки берёт нас
и в темноте ведёт по комнатам пустым?..
Я слышала лишь стук — стучали ночью в окна,
я видела лишь дым.

А это речь была, а это говорила
придонная трава, утопленница, там,
где за спиной стоит таинственная сила
и ходит юркий бес за смертным по пятам.

А это жизнь росла, сквозь слёзы проступая,
печальная моя, и просыпалась я,
как вечная весна, зелёная, слепая,
а это — жизнь моя.

Что для счастья? — почти ничего.
Свежескошенной пахнет травой.
Сядешь в тень. На странице семнадцать —
майский отрок, бесценный прогул,
день из вечности, мячик-прыгун —

прочитать и легко оторваться.
Да ещё побежит по листу,
с миром вещным и зримым в ладу,
муравей, безымянный разведчик.

...почему же так грустно? Perché?..
Кватроченто и смерть в языке.
Механический ангел-кузнечик.

Всю ночь в огромном синем шаре,
обнявшись, спящие лежали.
Вода к земле по желобку
бежала стекловидной змейкой,
сирень клубилась над скамейкой
и исчезала по хлопку.

Спасибо, темнота, за это —
за то, что наступает лето,
как темнота, грядёт жара.
Сняла, сложила ровно платье,
произнесла на сон заклятье
и не уснула до утра.

Я дорожу недорогими
вещами, мелочами теми,
что могут быть совсем другими
для остальных — не для меня.
Люблю давать предмету имя,
и замедлять нарочно время,
и доставать всё невредимым
из беспощадного огня.